

М У З Ы К А

ТРАДИЦИИ ВЕДУТ В ЗАВТРА

ПАРИЖСКАЯ академия танца присудила Юрию Соловьеву диплом имени В. Нижинского, как лучшему танцовщику мира 1963 года. Да, молодой артист Ленинградского академического театра имени Кирова может спокойно состязаться в тонкостях своего искусства с любой мировой знаменитостью. Еще шесть лет тому назад ученик Ленинградского хореографического училища по классу Б. В. Шаврова танцевал так, что и замедленная съемка учебного фильма не обнаружила бы изъянов. Только неясно было тогда, какова же актерская индивидуальность Соловьева, да и есть ли она у него вообще. Зрители школьных концертов одобрительно наблюдали, как безупречно выполнял Соловьев осященные веками правила актерской школы. Его отличала непосредственность ребенка, не знающего волнения — этого врага и друга актера, выходящего на сцену. Несомненно было одно: Соловьев обладает превосходными данными.

А потом его узнали и зрители Кировского театра, сперва как превосходного исполнителя традиционного репертуара. Соловьев начинал в партии, где классический танец подобен инструментальной музыке, а успех исполнителя зависит прежде всего от его виртуозных качеств. В ту пору казалось, что партия Голубой птицы из «Спящей красавицы», в которой Соловьев выпускался из школы, навсегда останется вершиной для танцовщика-виртуоза.

Так могло бы случиться, если бы не встреча с хореографом, угадавшим нераскрытые возможности Соловьева. В балете И. Бельского «Ленинградская симфония» на музыку Шостаковича исполнитель ведущей партии пересекает сцену в высоких прыжках между рядами мужского кордебалета. Прыжки напоминают о самолете, взмывающем в воздух, чтобы пикировать на полчища врагов. Прыжки должны передавать и усилия человеческой воли, характер героя-борца. Они возникают во второй части балетной симфонии, но в них ключ ко всему образу. Они стали ключом и к актерской индивидуальности Соловьева. Танец и здесь сохранил законченность, плавность, благородный рисунок. Но, наполняясь драматизмом, он обрел новый смысл, превратился из техники в искусство. Недавний ученик становился художником.

И выяснилось, что танцовщик, воспитанный на образцах классического наследия, более всего самостоятелен и интересен в балетах современных хореографов. Спору нет, хороши и его Зигфрид в «Лебедином озере», Дефире в «Спящей красавице», Альберт в «Жизели». Но только почему же чуть заученно повторяет Соловьев классический рисунок ролей? Почему в пантомиме и танце отзываются голоса былых исполнителей? Ведь роли балетов Прокофьева и Меликова, поставленных Юрием Григоровичем, Соловьев тоже получал готовыми, но здесь-то он не повторяет предшественников! Он по-разному передает одну тему: мечтательная натура в борьбе не сгибается, а распрямляется, вырабатывает качества героического характера. Герой «Каменного цветка» Данила и герой «Легенды о любви» Ферхад — оба художники и оба узнают, что жизнь и любовь прекрасны только в союзе с творчеством. Данила в своих мечтах порывист, необуздан. Ферхад — самоуглублен и тверд. Но каждая роль приоткрывает в сложной танцевальной партитуре глубину психологического подтекста.

Лучшее из того, что создали советские хореографы за последние годы — помогает формироваться облику современного танцовщика. Оттого и побеждает Юрий Соловьев. Парижская награда дана ему за чистоту традиций. Танцовщик достоин ее. Но традиция движется. Сегодня она не та, что вчера. И уже теперь можно заглянуть вместе с Соловьевым в завтрашний день традиции.

В. КРАСОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения.
ЛЕНИНГРАД.